

Софья Рубакова
Книга моста





Софья Рубакова Книга моста

Об авторе

Софья Рубакова (Владимирова) молодой, но уже опытный поэт. Первая книга, которая называлась «Чуда жду», своеобразная проба пера, вышла, когда ее автору было всего 13 лет.

Через 3 года была издана ее вторая книга «Чтобы однажды», куда вошли стихи и проза. В 2013 году напечатана книга стихов «Вином и медом».

Два важных для Софьи события произошло в 2014 году: она окончила факультет журналистики ТГУ и этом же году была принята в Союз писателей РФ.

Софья — лауреат и победитель многих областных, межрегиональных, всероссийских творческих конкурсов.

В 2015 году, представив на конкурс макет своего нового сборника стихов «Книга моста», стала лауреатом литературной премии, учрежденной Губернатором Томской области.

Стихи Софьи Рубаковой печатались в различных изданиях: газетах и журналах Северска, Томска, в журнале «Бийский вестник». Подборка стихов опубликована в апрельском номере журнала «Сибирские огни» за 2017 год.

Томск, 2015

УДК 82-1
ББК 84-5
Р 82

Р 82 С. Б. Рубакова (Владимирова). Книга
моста. Стихотворения. Томск, Учебно-
экспериментальное издательство факультета
журналистики Томского государственного
университета, 2015. 90 с.

УДК 82-1
ББК 84-5

© С. Владимирова (Рубакова).
© Фото К. Боброва.

Танцы на мосту.

Es führt über den Main
Eine Brücke von Stein.
Wer darüber will gehn,
Mu Im Tanze sich drehn.

Народная песня.

Это всего лишь игра.

Вы будете листать страницы Книги Моста: одна страница - один шаг... Каждый шаг, который вы сделаете по Мосту, будет отдаваться болью в груди. Но боль будет сладкой, и вы не сможете повернуть, покуда не дойдёте до конца. Потому что, читая чужие стихи, вы будете идти по мосту своих ассоциаций. И только от вас зависит, куда она он вас приведёт.

Достаточно ли вы смелы, чтобы открыть Книгу Моста?

Тает снег на ресницах и тёплых губах
В предвесенний задумчивый вечер.
Порождает в душе бессознательный страх,
Тяжким бременем давящий плечи.

Образы, которые проходят через всю Книгу Моста, богаты и глубоки. Мост - это дорога над водным пространством или над пропастью. Вода - стихия, связанная одновременно со смертью и рождением, с памятью и забвением, с нашим бессознательным и опытом, полученным до рождения, страхом смерти и чувством покоя и чистоты. Вода - это всегда рубеж, преграда - пересекая её, нельзя остаться неизменным. Так что не удивительно, что образ воды возникает постоянно. То как море: или тёплое и желанное, но «мы никогда не поедим на море...». Или пиратское, по которому водят корабли безжалостные и очень романтические герои.

...Ведь желание моря - страшнее любой болезни.
Что-то странное кажется в гребне морской волны.
Что-то грустное чудится в праздничном солнечном глянце.
Мы, влюблённые в жизнь, окончательно обречены
И однажды проснёмся вдвоём на «Летучем голландце».

То как дожди - не всегда тёплые и ласковые, но почему-то кажется, что всегда - весенние. Даже когда речь идёт о сентябре.

*Над рекой Майном
Есть каменный мост.
Кто на него ступит -
Не может не начать танцевать.

Ни кола, ни двора, ни черта, ни гроша,
У меня, босоногой и пьяной.

Жарко бредит апрелем слепая душа -
Сыплет снег на открытые раны.
Это наша судьба - оставаться одним.
«Я люблю тебя жизнь!» - безответно.
Скоро будет весна, и наполнятся дни
Тёплым шумом берёзовых веток...

Вода - это всегда - отчётливо или неотчётливо - Бездна. В которую, как известно, нельзя долго вглядываться. Если, конечно, не хочешь, чтобы Бездна начала вглядываться в тебя. Некоторым это нравится.

И когда ты применишь как данность воду,
Ощутишь, как теплится в лёгких воздух
Под рукой нащупав сырые доски,
Вынырнешь на мост. Или на подмостки

И мы снова возвращаемся к центральному образу - образу Моста. Мост - это нечто связывающее: два берега, прошлое и настоящее, мир людей и мир иной. Мосты наводят и мосты сжигают. Мост - преодоление рубежа, но и в то же время - символ невозвратных изменений.

Мой путь оказался далёк и непрост,
Когда мне судьба наступила на хвост.
Пришлось оступить и выйти на мост
И там никого не найти...

Что же, когда ты молод - годами или душой - это так естественно - идти, сбиваться с пути, пересекать рубежи, чтобы безвозвратно измениться. Но Вода и Мост - ещё и символы смерти. И тень её - неясная и далёкая, тоже постоянно присутствует в этой книге. Слишком отчётливая, чтобы её не заметить.

Я в мыслях о человеке,
Который мне сложит руки,
Который мне смежит веки
И будет грустить в разлуке.

И слишком далёкая, чтобы всерьёз испугаться. Немного театральная смерть...

Мёртвых в театре не держат - таков закон:
Все мертвецы оживают уже к финалу.
Если себе не желаешь такой судьбы,
Если ты хочешь спокойной и долгой смерти,
Просто молись, чтоб Гамлет сказал: «Не быть»,
А режиссёр отвернулся и не заметил.

Что же, наша жизнь - театр. И образ Балагана – который и противостоит кошмару серьёзной жизни (за что его и сжигают!), а то и добавляет кошмара в эту реальность.

Там не лица, а маски. Не люди, а тени людей.
И они за места заплатили высокую цену.
Выходи на поклон. Ты здесь самый большой лицедей.
Все пути и дороги ведут тебя прямо на сцену.

И ещё один образ – очень тревожный и враждебный ждёт тебя – это город. Весенний, таящий не только надежды и любовь, но и по-весеннему (переходному, межсезонному) сырой и неуютный.

Помня по имени каждого поголовно,
Город в ночи расползается на волокна.
Город, который спит со мной, как любовник,
Раньше меня встаёт и сочится в окна...
... Он прорастает в тебе безупречным смыслом,
Можешь сопротивляться - но есть ли смысл?
Город, который спит с тобой, как любовник,
Только, увы, не Гаммельн. Здесь всюду крысы.

Никто не говорил, что идти по Мосту будет легко. Но боль эта - признак растущей души. Никогда ещё расставание и переход на новые рубежи не были безболезненными. Даже для читателей. А автору каково?

И вот безутешный читатель скорбит,
Услышав обратный отсчет,
Он даже не знает, что автор убит
До выхода книги еще.

И всё же...
Неужели ты побоишься ступить на этот Мост? Ну же, смелее.
Это всего лишь книга!

Татьяна Назаренко,
член Союза писателей России

Голуби



* * *

Тает снег на ресницах и теплых губах
В предвесенний задумчивый вечер,
Порождает в душе бессознательный страх,
Тяжким бременем давящий плечи.

И следы от трех пар человеческих ног
Три цепочки на снежной дороге
Если более нас не помилует Бог
Значит, нет и потребности в Боге.

Тишина состоит из чужих голосов,
Распевающих гулкие гимны.
Мы уходим, на души задвинув засов,
По дороге извилистой, длинной.

Тишина заполняет пустоты небес,
Облаками луну занавесив.
Если более нас не попутает Бес,
Значит, нет и потребности в Бесе.

* * *

Железная дорога. Полночь. Лес.
И мы идем в загадочную небывль.
Из всех несуществующих чудес
Реальны только ты и звезды в небе.

Железная дорога. Полночь. Мы
Идем по занесенным снегом шпалам,
Как будто в самом сердце у зимы,
Которая весь мир околдовала.

Железная дорога. Лес. Сосна.
Ты перед ней сгибаешься в поклоне
И говоришь: «Она совсем одна
Стоит на позабытом всеми склоне».

Железная дорога. Полночь. Тьма.
Идем, идем в снегу увязли ноги.
И кажется, весь этот мир зима,
Деревья и железные дороги.

Ни кола ни двора

Ни кола ни двора, ни черта, ни гроша
У меня, босоногой и пьяной.
Жарко бредит апрелем слепая душа
Сыплет снег на открытые раны.

Это наша судьба оставаться одним.
«Я люблю тебя, жизнь!» безответно.
Скоро будет весна, и наполнятся дни
Теплым шумом березовых веток.

Это наша судьба ни кола ни двора,
Только песни нам петь и осталось,
И не знать никогда, просыпаясь с утра,
Где под вечер нас свалит усталость.

Ночью ветер весенний со мной говорит:
Оставайся, мол дальше хуже.
Нас сожгли б на костре, только мы не горим,
Как любые бессмертные души.

Голуби

Мне приснились сегодня голуби:
много сизых и белых два.
Я дрожала всю ночь от холода,
повторяя твои слова.
А они ворковали ласково
да растаяли на заре.
Солнце блещет красиво, лаково,
и не может меня согреть.
Я люблю тебя. Грусть глубинная
слишком долго живу во лжи.
И любовь моя голубиная.
Слишком нежная, чтобы жить.

Мне сегодня приснились голуби
прилетали с соседних крыш,
Со всего ледяного города,
где звенит вековая тишь.
И клевали из рук по семечку,
ворковали мне в унисон.
Дым струится ажурной ленточкой
через небо за горизонт.
Ненавижу тебя я сильная.
Голос холоден, взгляд суров.
Только ненависть голубиная.
Слишком нежная. Как любовь.

Paloma blanca

Из твоих фотографий сложу оригами:
Там родное лицо то молчит, то смеется,
Я стараюсь смотреть на асфальт под ногами,
Потому что с утра слишком яркое солнце.

Как же хочется снова пройтись по бордюру,
Позабить о прохожих в беспечном объятье.
Я внимательней стану следить за фигурой,
Чтобы влезть по весне в это белое платье.

Только кажется прошлое ходит кругами,
Заблудившись во мгле, оступившись во мраке,
Из твоих фотографий сложу оригами
И с балкона пуцу разноцветный журавлик.

Я, конечно, вернусь, если кто-то предложит,
Будут спички гореть, обжигая ладони,
Как однажды сказал мне знакомый художник,
«Настоящая боль это боль посторонних».

Я, конечно, тогда возразила, но все же
Приняла правоту его как аксиому,
Мне в тот день улыбнулся случайный прохожий,
Я подумала жалко, что мы незнакомы,

Даже сердце забилося крылом голубиным,
Я таких одиноких еще не встречала,
И не страшно гореть, ведь мы оба из глины,
Мы еще не ушли, мы начнем все сначала!

А иначе зачем я тогда на балконе
Положила лицо на уставшие руки
И сказала, что близкий живет в постороннем,
Только разный всегда: то журавль, то голубка.

* * *

Костры по ночам вдалеке не горят
И песен никто не поет.
У этого мира твой голос, твой взгляд
И даже дыхание твое.
Я только за то благодарна судьбе,
Что прошлое тает, как дым
Как жить, если все в нем твердит о тебе
И голосом плачет твоим?

* * *

А свет от солнца нынче ледяной..
Грустят цветы, поставленные в воду.
Я так переживаю непогоду,
Как, вероятно, кто-нибудь иной

Переживает горе от потерь.
Сентябрь, безграничный и исконный,
Приклеил желтый лист к стеклу балкона
И запер навсегда входную дверь.

Порой ко мне стучат. Но я молчу,
Не в силах приподняться на постели -
И так проходят многие недели.
Я радуюсь случайному лучу,

Хоть свет от солнца нынче ледяной.
Но если ты вернешься за вещами
И дверь откроешь сам - я обещаю,
Тебе не будет холодно со мной.

* * *

Что с того, что разнятся тростник и сосна,
Если в сердце весна,
А корнями уходишь под землю?
Там колодец без дна,
Дни и ночи без сна,
Ты отходишь ко сну, только с тем ли?
Но вокруг тишина,
Лишь качаются тонкие стебли.

Что с того, что разнятся вода и вино
Все одно
Для того, кто немеет от жажды.
И сплетутся в венок
Те, кто был одинок,
Стать единственным сможет не каждый.
Ты умрешь все равно,
Если с ним не проснешься однажды.

Офелия

Хочу позабыть, но сумею ли?..
Проклятием стала память.
Во мне умирает Офелия.
В тебе оживает Гамлет.
Мы счастливы будем в вечности
Без всякой на то причины.
С тобою другая женщина,
Со мною другой мужчина
Но я люблю тебя веришь ли
В безумство моих объятий?
Во мне умерла Офелия
И с ней сорок тысяч братьев.

* * *

И когда я бегу к тебе, голову очертя,
И когда отдохнуть останавливаюсь у входа,
В этот день, когда ты уходишь ко всем чертям,
Обязательно разыграется непогода.

Снег и дождь передали по новостям.
Передали бы лучше два поцелуя...
Эта осень подвержена тем страстям,
Что в сердцах закипают еще с июля.

Только я не подвержена им. Хотя
Улыбаюсь, задумываясь о смерти.
В том, что ты уже год как уходишь ко всем чертям
И не можешь до них дойти виноваты черти.

Я же честно пытаюсь спокойно, без лишних слов
Возвести тебя в ранг бесполезной тени.

Понимаешь, мой мальчик, ведь это и есть любовь.
В самом грустном из всех возможных ее значений.

Морской бой

И закат королевский бесценный бархат
Озаряет кресты на потертых картах,
Мы сегодня играем без всяких шахмат
Взять бы только бумагу и карандаш.

Нужно с полки достать позабытый компас,
Нужно просто сорваться с обрыва в пропасть,
Нужно только забыть настоящий возраст
Мне моих девятнадцати лет не дашь.

У меня обгорела на солнце кожа,
У меня есть нож в сапоге и что же?
Не поможет, решительно не поможет
Против пушечных ядер и слов любви.

Не просмолена толком твоя «Мария»,
У тебя цинга или малярия,
Но неважно, ведь море твоя стихия,
И поэтому вздохи его лови.

Вдалеке одиноко краснеет бакен,
Он всегда неожидан и неприятен,
Если завтра корабль проглотит Кракен
Мне никто не поведаст, что с тобой...

И закат, что красней королевских мантий,
Будет знать, что любовь не бывает кстати,
Что в последней из наших кровавых партий
Был обоими сразу проигран бой...

Лет через десять

Лет через десять
А столько живет хоть кто-то?
Можно увериться, шансов на чудо нет.

Хватит ли грезить?
На наших совместных фото
Можно найти силуэты чужих теней.

Лет через десять
Когда уже будет поздно
Что-то менять в наших жизнях, и смех и грех.

Если все взвесить,
Уж если смотреть серьезно,
Было совсем неплохо любить не тех.

Лет через десять,
А может быть, даже завтра
Бросится к телефону во тьме рука.

Хватит диверсий.
Я знаю ты знаешь правду.
Я позвоню тебе.
Только
дождись
звонка.

Game over

Ты был заносчивым и смелым,
Таким отважным капитаном,
С тобой я стать такой сумела,
Какой ни с кем уже не стану.

Был каждый горделив и молод,
Как данность принимал подарки.
Мы завоевывали город
Со снежной горки в старом парке,

Играли в прятки меж деревьев,
Пока не спрятались однажды:
Я от тебя со встречным первым,
Ты от меня с красивой каждой.

Мы осознали, к нашей чести,
Что от любви тоска и беды.
Мы хорошо играли вместе,
Но нас зовут домой. Обедать.

Вином и медом

Вот дом, пропахший вином и медом,
Окно в плюще, шелковистый пруд
Там появляешься мимоходом,
Ведь в нем так редко кого-то ждут.

Два силуэта вдали, в беседке,
Какой-то тихий звучит напев...
Упало яблоко с тонкой ветки
Я тоже падаю, не дозрев...

Бежит вприпрыжку красивый мальчик,
С кудрями светлыми, как янтарь.
Он не болеет и редко плачет,
Он взрослый мальчик, смешной бунтарь.

Ни дом, ни мальчик, ни та беседка,
Ни даже яблоня у дверей
Все не мое. Я у них нередко,
Пригревшись, плакала во дворе...

Я не из них, не оттуда родом,
Я свой и вовсе не знаю род.
Я тоже пахну вином и медом.

Вино отравлено, горек мед...

* * *

Все банки в доме заняты вареньем
Малина, облепиха, ежевика,
Смородина. И что-то овощное
На верхней полке светит янтарем.

Куда-то делся май с его сиренью,
А осенью попробуй поживи-ка,
Когда слабеет зрение ночное
И в воздухе запахло октябрем.

И хочется теплее одеваться,
И чай себе заваривать покрепче,
И кошку гладить рыжую, как листья,
Что целый день кружатся за окном.

Но черт возьми, мне только девятнадцать,
И можно думать, что сентябрь вечен,
Гулять по лужам, оставаясь чистым,
И воздухом напиться не вином.

Я думаю, что те, кто любит осень,
На самом деле любят ожиданье,
Людей в плащах, туманы и рябину,
Дожди, варенье, первый листопад.

Но осень это старческая проседь
И кашель, и стесненное дыханье,
И по углам квартиры паутина,
И нет надежды, что наступит март.

* * *

Во мне идет брожение стиха
Строки, рожденной смехом или взглядом.
И сладость слов пока еще тиха,
Сравнимая со вкусом винограда.

Как виноград становится вином,
Как помыслы становятся грехами,
Так ты, теряя облик и геном,
Становишься невзрачными стихами.

И строки оплетает, как лоза,
Любовь, с которой я не в силах сладить
Поэтому, взглянув тебе в глаза,
Я плачу соком спелых виноградин.

* * *

В маленьком домике странно звучат дожди -
Вкрадчивый дробный стук по покатой крыше.
Целая ночь у нас с тобой впереди,
Чтобы лежать в обнимку и это слышать.

Капли стучат - удивительно мягкий звук -
Мы засыпаем, коснувшись едва постели.
Перебирая пальцами, - стук да стук -
Бог замышляет погоду на всю неделю

* * *

Я бегу босиком по траве,
Все дома уже так далеко.
Надо мною сгущается свет,
Белый, сладкий, - как молоко.

Я смотрю, как едва-едва
Догорают остатки дня.
Я хочу, чтоб росла трава
В десять раз длиннее меня.

Сокровенное сохраняя,
Когда ночь почти началась,
Не хочу, чтоб нашли меня,
А хочу, чтоб сама нашлась.

Книга МОСТА



* * *

Квартира что клетка. Пускай золотая.
А может, грудная. А может, для тигра.
Но к жизни, что нас по планете мотает,
она, несомненно, красивый эпиграф:
В ней спрятана суть, в ней заложена мысль,
Желанье уюта и тихая пристань.
Среди океана видение мыса,
Отчаянный смысл и отсутствие смысла;
Пulsирует боль на паркетном узоре:
Все будет отлично, пока я с тобою,
Но мы никогда не поедem на море.
Но мы никогда не услышим прибоя.
И в чертовом офисе целыми днями
От кофе до кофе, и даже в субботу
Уборщица грубо меня выгоняет
Мол, хватит сидеть, не мешай мне работать;
Троллейбус скрипит, накренившись немного,
И эта квартира что клетка для тигра,
И хочется крикнуть незримому Богу:
«Вот здесь и закончим. Финальные титры».
А ты побеждаешь в сложнейшем из споров
И я, несомненно, сдалась бы без боя,
Но мы никогда не поедem на море.
Но мы никогда не услышим прибоя.
А в спальне светильник маяк для заблудших,

И спит покрывало, в углу притаившись,
И души друг с другом играют в душе -
Чуть-чуть помолчи и, конечно, услышишь:
Смеются, включают холодную воду,
Дерутся мочалками, рвут полотенце;
Так странно, что я выбираю свободу,
Пока разговор не заходит о сердце.
И тигр, что в клетке, с печалью во взоре,
Решит, что все это зовется любовью,
Но мы никогда не поедem на море.
Но мы никогда не услышим прибоя.

* * *

Почему-то всегда выпадает снег,
Если просишь у неба немного света.
Я хочу, чтобы ты умерла во сне,
Чтобы я никогда не узнал об этом.

Чтобы тень под глазами легла как снег.
Ты бы знала, что кто-то тебя укроет,
Чтобы больше короткое слово «нет»
Не касалось тебя ледяной рукою.

Чтобы я о тебе не писал стихов, –
А других у меня никогда не будет –
Я не знаю, но думаю, что легко
И спокойно во сне умирают люди.

Чтобы ты, не замерзнув, смогла остыть.
Там намного теплее – я в это верю...
Я хочу, чтобы так умирала ты,
Будто вышла, сказав, что ошиблась дверью.

А пока что у нас опадает снег.
Я сижу неподвижно до боли в теле.
Я хочу, чтобы ты умерла во сне.
Далеко от меня, не в моей постели.

* * *

...но однажды все тайное
станет тоскливой песней.
Заведи мне почтовый ящик,
такой, чтоб если
Я его открывала все время
он бил бы током,
Чтобы в нем пустота завывала
и только. Только

Почтальон вообще не работает
в воскресенье,
И давай на сей раз обойдемся
без потрясений,
Сотрясений, рождений,
смертей обоюдоострых,
Если тема закрыта, все очень просто.
Просто

Эта дверь открывается туго,
с холодным скрипом.
Заведи мне почтовый ящик,
впиши постскриптум,
Повыкидывай слов
самых важных
из нашей песни,
А потом, если можешь,
из жизни моей исчезни.

* * *

Когда выбираешь,
кому завещать корабли,
Ясней понимаешь,
что их невозможно отдать.
Я буду лежать под землей
в темноте и пыли,
А их ожидает морская
бездонная гладь.

Легко выбирая наследников
для серебра,
Мечусь и не знаю,
кому завещать корабли.
Я создал их будто
из собственного ребра,
Мои корабли среди всех остальных
короли.

Пока мой порог обивают
друзья и купцы,
Покуда наследники
шепчутся за стеной,
Мне снится не море,
а скованный льдами Коцит,
Куда корабли приплывают
прощаться со мной.

Книга моста

Однажды в холодной предутренней мгле
Мне каждый будильник на этой земле
Звенел и бежать поскорее велел
Туда, куда ноги несут.

Но я опоздала на тысячу лет:
В трамвае жевала счастливый билет,
Бежала, петляла и путала след,
И не соблюдала маршрут.

Мой путь оказался далек и непрост:
Когда мне судьба наступила на хвост,
Пришлось оступиться и выйти на мост
И там никого не найти.

Там книга лежала обложкою вниз,
И ветер царапал остатки страниц,
Там было написано: «Только дождись»,
А может быть, «только дожди».

Я молча стояла над книгой моста,
И знала, что это и есть пустота,
И нет ни единого шанса из ста,
Что утром расступится мгла.

Ума не набраться в закрытом гробу
Я целую жизнь прожила наобум,
Но каплю дождя ощущая на лбу,
Я все наконец поняла.

* * *

Выставив зонтик, как шпагу, вперед себя,
Выйдешь под дождь и до нитки промокнешь тут же.
Капли тебя на полосы раздробят,
Светлые будут все тоньше, все меньше, уже...

Все ничего бы, но ты здесь стоишь один,
Сам удивляясь движеньям своим неловким,
Кто-то из дома кричит тебе заходи,
Мол, не валялся давно с воспаленьем легких?

Выждешь еще минуту, да и зайдешь,
Ну, отругают... и вынесут полотенце.
Не понимают, что ты выходил под дождь
Чтобы затем вернуться и отогреться.

* * *

Не будите спящих они как дети
Непонятно на том или этом свете.
Так легко увидеть, когда не спится,
Что у спящих любимых иные лица.

Что им снится, пришедшим на свет из тени,
Невзаимно и страшно любимым теми,
Кто стоит, задумчиво в небо глядя,
Чье лицо отражается в водной глади?

Ничего им не снится с моста сошедшим,
Это только вода им на ухо шепчет:
«Я несу далеко молодых, усталых,
И не любящих тех, кто сюда призвал их».

Не будите спящих они блаженны,
И безумно каждое их движенье,
Потому что ночами мы все скитальцы.
Но одни лишь спят, а другие снятся.

* * *

На его языке все звучит иначе:
Все мои слова ничего не значат,
Но один осмысленный вдох и выдох
Скажет больше, чем мне бы хотелось выдать.
Он отлично знает мою изнанку:
В каждом жесте символы видит, знаки.
Я его без слов понимаю тоже:
Эту резкую боль у него под кожей,
И рисунок линий его ладони
Говорит о том, чего сам не вспомнит.
Узнавая друг друга в любом прохожем,
Что казался издали чуть похожим,
Мы по городу ходим почти по кругу
И находим какой-нибудь пятый угол,
Мы находим вещи, весну, работу,
Пропускаем нужные повороты.
И когда наш крик обернется взглядом,
Мы поймем, что были все время рядом,
Говорили без слов и смотрели мимо,
Потому что меж нами висит незримо
Паутины нить, завязавшись в узел,
И никто не распутает эти узы,
Потому что слова ничего не значат:
Только встретишься взглядом и будешь схвачен,
Обречен искать посреди любимых
Одного кто вечно проходит мимо.

* * *

Мой друг уехал в город на Неве.
Чуть раньше я успела впасть в немилость,
И в целом ничего не изменилось
Ни в городе моем, ни в голове
Моей. Не знаю одного:
Что делать с опустевшими руками.
...И полнятся проспекты двойниками
Уехавшего друга моего.

Мой друг на днях уехал в Петербург.
В записке было сказано - надолго.
Я каждый день звоню ему (а толку?).
Я по ночам зову его. А вдруг
Услышит отголосок в стороне.
...И сидя на каком-нибудь Литейном,
В театре, в заведении питейном,
Он на секунду вспомнит обо мне.

Мой друг уехал, слова не сказав,
Бродить по паркам северной столицы.
И если б я могла ему присниться,
То я б уже бежала на вокзал.
...Не сбудется. Я больше ничего
Учусь уже не принимать на веру,
Рассеянно кивая кавалеру,
Похожему на друга моего.

* * *

Бегущему сразу на три стороны
До вечной весны
Из страны
От войны
Ни карта, ни компас уже не нужны,
Один только ветер попутный.
Он пьет из колодца и спит на земле,
Он движется к цели подобно стреле,
События канувших в прошлое лет
Он помнит все более смутно.

Забывший о доме, отринувший кров,
Смывающий с ног загустевшую кровь,
Он сможет найти перекресток миров
И верит наивно и твердо:
Любые дороги оттуда видны
Неважно, какой ширины и длины,
Поэтому, три обойдя стороны,
Он счастье отыщет в четвертой.

* * *

Это голос отчаяния, шепчущий в темноту.
Если некому говорить, говорить выпадает мне.
Я родилась с серебряной ложкой во рту
И железным ржавым ножом в спине.

Эта боль - чтобы петь, чтобы голос скорей крепчал,
Превращаясь в крик, в бесконечный протяжный звук,
Я бегу по городу, плача и хохоча,
Не могу уследить за движеньями ног и рук,

Я сплошные стихи и сплошные песни, я вся - слова.
Разбирай меня на цитаты и части тела.
Чтоб осталась только счастливая голова,
Чтоб летела она по асфальту и пела, пела...

* * *

Хранилище старых и новых грехов,
Страстей и бессонниц архив -
Вчитайся внимательней в книгу стихов -
И ты в ней найдешь детектив.

Не то чтобы жанра одна из вершин,
Скорее, скачки по верхам:
Убийца известен (две буквы больших
Стоят в изголовье стиха).

И можно портрет воссоздать из улик,
Разбросанных щедрой рукой:
Такой у убийцы особенный лик
И образ нездешний такой.

И вот безутешный читатель скорбит,
Услышав обратный отсчет,
Он даже не знает, что автор убит
До выхода книги еще.

Балаган



* * *

Они протоптали дорожку почти случайно
На кухню мою, где так много невымытых кружек.
Они принесли мне в подарок пакетик чая,
Который вдруг оказался безумно нужным.

Оставив следы, появились из коридора
И даже стола не протерли от хлебных крошек.
Зато рассказали мне ворох смешных историй
И выслушали мои чем, конечно, тоже

Меня удивили. И даже необычайно
Вдруг захотелось забыться и рассмеяться.
Они принесли мне в подарок пакетик чая.
Да только за вечер мы выпили кружек двадцать.

* * *

И дождь не слезы, а пот со лба,
и капли его легки.
И мы всю жизнь с корабля на бал,
а с бала на рудники.
Чего желать и кого жалеть?
Мы счастливы как никто,
Нам не сидится на корабле,
глумливым, как шапито,

Где каждый в мыслях коварно мнит
своим капитанский пост,
Он тянет, словно большой магнит,
сгребают ладонью в горсть,
Корабль Босха для дураков,
а мы ли не дураки?
И дождь не слезы, а наша кровь,
и капли ее легки.

Вот с этой точки пустись в бега,
но помни, что я жива
Нас бал, похожий на балаган,
глочет, не прожевав.

Лебединое озеро (партия третьего голоса)

Вы на афише вас каждый видел
Так начинайте же первый акт.
Но я, в партере с биноклем сидя,
Лишь стройным звукам киваю в такт.
Секреты, хитрости и уловки
Не удивят никого уже:
Да, неожиданная трактовка,
Зато классичен насквозь сюжет.

Висит на сцене ружье-двустволка
А это значит, что быть беде.
Но из партера я вижу только
Лишь танец маленьких лебедей.
Но это вздор, это детский лепет,
Я вашей партии очень жду:
Вот белый лебедь; вот черный лебедь;
Вот лебедь, кличущий вам беду.

В партере тихо и жарко очень,
И чаша, полная чьих-то слез,
Но Отче не был бы Авва Отче,
Когда бы мимо ее пронес.
Он не промахивался ни разу,
Как олимпийский биатлонист.
Погибнут лебеди и украсят
Собой когда-то либреттный лист.

Вот черный лебедь притворно-кроткий,
Вот белый лебедь глядит светло.
Вот третий, поднятый на лебедке,
Парит над сценой, как НЛЮ.
Балет, конечно, красивый жанр
Порой красивее, чем кино.
От сцены веет таким пожаром
Еще немного, и полыхнет.

Но грянут струны свежо и колко,
Как легкий снег на поверхность льдин.
И все ж на сцене не зря двустволка
Видать, не выживет ни один.

* * *

Если вдруг никто не любит, если мир тебя оставил,
Если Богом ты отвержен и тебя не пустят в рай
Оставайся в нашем клубе! Здесь не так уж много правил:
Языком мели поменьше, никому не доверяй,

Не бросай окурки на пол, но бросай слова на ветер,
Не мешай напитки ночью и беги на красный свет.
В этом клубе каждый падал так, что ни за что на свете
Не хотел вставать, но прочно помнил дружеский завет.

В нашем клубе не сдаются, не сдают друзей и сессий,
Не влюбляются взаимно, только бьют сердца зазря.
Здесь стихи рекою льются, как лекарство от депрессий,
И звучат нестройным гимном, только вспыхнут - и горят.

В нашем клубе модернистов, неудачников, поэтов
Будем рады новым членам, приходи и наливавай.
Ты не бойся падать низко ниже некуда! На этом
Отрекайся от сомнений и вступай уже давай!

Помнишь правила? Во-первых, не рассказывай о клубе,
Не рассказывай под пыткой, перед Библией молчи.
Дальше: действуй всем на нервы
и бросай игральный кубик,
Это первая попытка подобрать к себе ключи.

И запомни: очень глупо полагаться на удачу.
Если станешь вдруг счастливым
и влюбленным в целый мир,
Исключим тебя из клуба, исключим и не заплачем,
Мы строги и справедливы, эту заповедь прими.

Мы привязчивы, как дети,
инфантильны и надменны,
Это мы среди дороги засыпаем за рулем.
Мы тебя затащим в сети государственной измены.
Оставайся с нами, будешь нашим клубным королем.

* * *

Если попал в театр притворись живым,
Там тебе выдадут роль и немного славы.
Если ты холоден, бледен до синевы
Это гример с костюмером легко исправят.

..Ставят «Макбета» готовься найти кинжал;
Если «Грозу» научись поскорее плавать.
Только запомни куда бы ты ни бежал,
Вслед за тобою гример, костюмер и слава.

Он поглотит тебя заживо, целиком,
Будешь трактован и близок к оригиналу.
Мертвых в театре не держат таков закон:
Все мертвецы оживают уже к финалу.

Если себе не желаешь такой судьбы,
Если ты хочешь спокойной и долгой смерти
Просто молись, чтобы Гамлет сказал «Не быть»,
А режиссер отвернулся и не заметил.

* * *

По прогнозу погоды в театре сезон дождей.
Под зонтами идет репетиция, читка пьесы..
И промокший насквозь, но довольный собой злодей
На возможную жертву косится с интересом.

Но герой появляется вовремя, как всегда.
Он в резиновых сапогах и слегка простужен.
И на сцене, и в зрительном зале стоит вода,
Кто-то реплику двинул свою «Подавать ли ужин?».

По прогнозу погоды объятия распростер
Нескончаемый дождь, как в известной китайской пытке.
Объявив перерыв, улыбается режиссер.
Он единственный без зонта. И сухой до нитки.

Балаган

На площади открылся балаган.
Там клоуны, лгуны да лицедеи.
В палатках шоколад и бабл гам.
Вино рекой, забавы и затеи.

У сцены развеселый шум и гам
Туда берут набравшихся актеров.
На площади открылся балаган
Заразная и мутная контора.

Нашлась одна разумная рука,
Карающая лживых и нечистых:
Никто и не почувствовал дымка.
Никто и не смотрел, как пляшут искры.

На площади спалили балаган
Любители порядка и рутины.
На том же месте выстроили храм,
А сбоку собирают гильотины.

Не так ли бог испытывал меня
Карающей рукой самообмана?
Где встретиться любителям огня,
Как не на пепелище балагана?

* * *

Не смотри мне в глаза. Не следи
за движением пальцев.
Я тиха, как рассвет, и спокойна, как водная гладь -
Это принцип того, кто не очень-то любит сражаться,
Но отчаянно жаждет всегда и везде побеждать.

Я несу это бремя сквозь долгие, долгие годы,
Постоянно моля о прощенье за давностью лет.
Только, видно, судьба и какой ни играешь колодой,
Так и тянется в руку все тот же червонный валет.

Сколь ни сбрасывай карт но его колдовская фигура
Остается в руке и ползет под мои рукава.
Мне совсем не играть не позволит дрянная натура,
А вконец проиграться не даст торжество мастерства.

Слишком много отпущено лет и упущено шансов,
Нет ни звезд в небесах, ни закона в болящей груди
Это принцип того, кто не очень-то рад
был сражаться
За валета червей. Но не смог без него победить.

* * *

Не ступай на берег. К твоей досаде
Там бесменно вахту несет спасатель,
Чьи глаза ночной темноты бездонней:
Он тебя спасет и потом не вспомнит.

Он давно приставлен к работе этой.
У него везде гарпуны и сети.
Не кричи, не плачь, не зови на помощь:
Он спасет не раньше, чем ты утонешь.

И когда ты примешь как данность воду,
Ощутишь, как теплится в легких воздух,
Под рукой нащупав сырые доски,
Вынырнешь на мост. Или на подмости.

Не ступай туда. А протянут руку
Оттолкни и в воду, как в небо, рухни.

* * *

У кладбища направо пылил пустырь
А. АХМАТОВА

От дороги и прямо, где светлые облака,
Где чернеет полоска еще не наставшей ночи.
Я, быть может, хотела бы замуж за дурака,
Но мой муж был умнее тебя, как и многих прочих.

Я, быть может, хотела бы в монастырь,
Но туда не берут ни хромых, ни зеленоглазых,
И поэтому путь мой неблизкий через кусты,
Через тернии, буреломы и теплотрассы,

Через бой за возможность лежать на сухой земле,
Через землю, которую трудно не сдать без боя,
Я забыла свои таблетки в твоём столе
И поэтому дальше теперь от тебя, чем от этой боли.

Это даже не отступление, не побег,
Не тактический ход, подводящий меня к ловушке,
Это только я знаю, что я не нужна тебе,
Без причины, без повода, просто и «потому что».

И не нужно последних шансов, попыток, дней,
Испытательных сроков, расчетов и направлений.
Но когда ты распластан, растоптан всего трудней
Просто взять и подняться, как минимум, на колени.

Отряхнуться и оглядеться таких пустынь
Даже если захочешь, не сразу себе представишь.
Я сама себе тут и пустырник, и тот пустырь,
За которым одно королевство и сорок кладбищ.

* * *

Не верьте ни улыбкам, ни словам.
Не ждите, что случится по-другому:
Ваш маленький предатель пишет вам,
Что вы как будто сотню лет знакомы,

Что он, возможно, видел вас во сне,
И не уснет, не получив ответа.
Что выпал снег. Да, в мае выпал снег
И можно верить разве что вот в это.

Он выведает тайны втихаря,
Покажет суть морального ущерба
Ничейный верный друг из мартабря,
Ваш адресат с улыбкой в форме серпа.

Когда его мечта трещит по швам
Когда в его душе гуляет ветер
Ваш маленький предатель пишет вам.
И вы ему, пожалуйста, ответьте.

* * *

Помня по имени каждого поголовно,
Город в ночи распадается на волокна.
Город, который спит со мной, как любовник,
Раньше меня встает и сочится в окна.
Впрочем, он спит со всеми; из темных спален
Он высыпается, утренний - чист и звонок.
Город, увы, не Гамельн (а чем не Гамельн?)
Здесь на троих крысоловов один ребенок.
Город, израненный сбоку рекой холодной,
Белыми нитками штопанный, темно-синий,
Он в темноте на большое похож болото.
Думаешь, это брусчатка? Да нет, трясина.
Он прорастает в тебе безупречным словом.
Можешь сопротивляться но есть ли смысл?
Город, который спит с тобой, как любовник,
Только, увы, не Гамельн. Здесь всюду крысы.

* * *

Выходи на поклон. Сделай шаг из густой темноты.
Невесомой рукой поправляй воротник и манжеты.
Этот зрительный зал никогда не бывает пустым.
Ты увидишь, когда его осветит белым прожектор:

Там не лица, а маски. Не люди, но тени людей,
И они за места заплатили высокую цену.
Выходи на поклон. Ты здесь самый большой лицедей.
Все пути и дороги ведут тебя прямо на сцену.

В самом центре светло. Это место навеки твое.
Выходи на поклон. Ожидание тянется долго.
Ты сейчас не споешь и никто никогда не споеет,
И никто никогда не почувствует, как это горько,

Если тени людей не становятся снова людьми,
Если маски спадают, но там пустота, а не лица.
Выходи на поклон. Ты сейчас замираешь на миг,
Чтобы в зрительный зал ослепительным
светом пролиться.

* * *

Замерзшие, бессонные -
Что путники в ночи -
Поэмы и симфонии
Сжигали мы в печи,
Переплавляли в олово
Нуар и пастораль,
Пока кружил нам головы
Завьюженный февраль.
Мы собственной империи
Терпели гнев и гнет,
Но верили мы, верили -
Что это все пройдет,
Что голод позабудется,
Закончится война.
Останется на улицах
Пустых - любовь одна,
Что в дни кровопролитные
Испачкалась в золе,
Но нашими молитвами
Вершилась на земле.

* * *

Нас учили терпеть и петь.
Говорили, что лучше - первое.
Заносили над нами плеть
И смотрели, что будет с нервами.

Сколько можешь - терпи, терпи,
Против боли не сыщешь метода.
А сорвешься с ее цепи,
Выйдешь в путь - окаянной некуда.

Будешь вечно чужой с людьми,
Будешь в зной умирать от холода,
Будешь сам себя бить плетью,
Чтобы голос звенел, как колокол.

Больше боли - острее глаз
И темнее душа, поэтому
Все, что не убивает нас,
Часто делает нас поэтами.



Искажение

* * *

Очнувшись меж воюющих сторон,
Не взятые в двоичную систему,
Мы каждому отвесили поклон.
Мы без сомнений прокляли экстремум.

Неважно, кто на нашей стороне,
Она условней всякого эфира.
Когда находишь истину в вине
Переставешь искать ее по миру.

Так хороша любая сторона,
Так правильна малейшая из истин
Что все они чуть-чуть подходят нам.
И ни одна не даст свободно мыслить.

* * *

Как будто в игре настольной
На ком-то поставить крестик
Нам делают очень больно
Из чувства законной мести.
Из чувства безмерной власти
Над более слабым видом.
Из веры в бесправность массы
Пред лидером-индивидом.

Нет боли чужой и старой
И времени не под силу
Отсчитывать, как удары,
Лекарства больным и сирым.
У времени есть плацебо:
Никто из живых не вечен.
Чем выше уходишь в небо,
Тем как бы должно быть легче.

Там нет ни судов, ни судей,
Зато остается память:
Больнее уже не будет,
Но легче уже не станет.
Терпеть и скрипеть зубами
Другого пути не видно.
К нам так беспощадна память,
Что стали мы с нею квиты.

Одни воспевают сильных,
Другие боятся смелых,
Но после удара в спину
Любой превратится в тело.
Как будто в игре настольной
На ком-то поставить прочерк
Нам делают очень больно.
Нам делают больно.
Очень.

Колыбельная пустому месту

*Люди, упавшие в моих глазах,
разбиваются насмерть ©*

Эта знакомая соль во рту,
Вещи, идущие мимо рук:
Петь колыбельную в пустоту
Туда, где еще вчера был друг:

Спи, моя радость, усни, мон шер,
Ночь бесконечная, как шоссе.
Спи глубоко у меня в душе,
Не просыпаясь уже совсем.

Спи, мое сердце, усни навек
И никогда меня не тревожь.
Я и не знала, что человек
Может на друга наставить нож.

Люди, затеявшие игру,
Больше отнимут, чем может смерть...

...Петь колыбельную поутру
Когда уже некому больше петь.

* * *

Я люблю
Ответов не ждать на письма,
Зная, что адресат безнадежно выстыл,
Даже красной нити, большой и прочной,
Не прервать молчание нашей почты.

Все равно
Что кричать на краю обрыва,
Или в толщу морскую в момент отлива,
Или камни в колодец бросать бесстрастно,
Обольщаясь эхом, как словом "здравствуй".

Все равно
Что просить у толпы монетку,
Постоянно считаешь: подаст вот этот,
Но ни звонкого слова, ни звона меди
Не дают почему-то ни те, ни эти.

Я пишу
В пустоту, в атмосферу, в космос.
Я кричу, чтобы кто-то пришел на голос.
Я люблю писать и не ждать ответа
(Впрочем, это бывает с любым поэтом).

Я люблю,
Когда люди не слышат крика,
Словно он - это против меня улика.
Бог считает - не сколько греховных мыслей,
А на сколько ты не ответил писем.

* * *

Дождь искажает звуки, а ночь цвета:
Все не такое, как видится или слышится.
Вдруг понимаешь, что жизнь за окном не та.
Чувствуешь только, как боль искажает мышцы.

Ложь искажает факты день ото дня.
Гнев искажает мимику и движения.
Страшно подумать, как ты исказил меня.
Это
Самое
Глупое
Искажение...

* * *

Все признаки конца: и дым клубами,
И всадники, и голод, и война,
Но, Господи, не сталкивай нас лбами,
Нам не такая участь суждена.

Нам суждено не сдерживать порыва,
Нам вверено найти искомый «икс».
Но, Господи, не сталкивай с обрыва,
Оттуда тяжелее вознестись.

Мы столько вознесений созерцали,
Что страх уже отсутствует как класс.
Но, Господи, не сталкивай сердцами,
Когда любовь закончилась для нас.

Мы кончились - осталось только имя
Да тусклый огонек в конце пути.
Но, Господи, не делай нас такими,
Какими ты не сможешь нас простить.

Твои борцы невидимого фронта
Совсем не богоизбранный народ.
Ты, Господи, пожил бы там, в Макондо,
Так сам бы застрелился через год.

* * *

Позаботься о том, чтобы правды не видел свет,
О красивой истории и чистоте наследия.
И до смерти моей не вздумай вскрывать конверт.
Мы с тобою чуть больше, чем маленькая трагедия.

Я почти убедился, что гением быть легко,
Если сам себя честно и прямо считаешь гением,
А иначе ты просто блаженный в глазах врагов,
Улетающий в небо, как шарик, надутый гелием.

Обвиняя меня то в двуличии, то во лжи,
Сами только и могут, что гневно смеяться в спину.
Я по-прежнему верю (обратное докажи?),
Что злодейство и гений есть вещи несовместимые.

Но сегодня рука моя музыке отдана,
А на завтра она превращается в лапу зверя.
И поэтому я хотел бы испить до дна,
Просто дай мне стакан вина и уйди, Сальери.

* * *

Если кто-то скажет опять «Гори!»
Я истлею пеплом, бездарным пеплом,
Я теперь сама себе лабиринт,
Потому устроена так нелепо:
Что ни ход кончается тупиком,
Коридор зеркальный для альтер-эго,
Я иду задумчиво за клубком.
Я ищу убежища и ночлега.
Ариадна, милая, помолись,
Видно, сбился старый походный компас.
У меня не карта, а чистый лист,
У меня не крик, а короткий возглас.
Если кто-то скажет опять «Гори!»
Я сгорю, отбросив остатки нити,
Я теперь сама себе лабиринт.
Лабиринт, блуждающий в лабиринте.

* * *

Английская грамматика мудра:
Прошедшее, но длительное время
Подходит назревающей проблеме
Да имени, забытому вчера.

Но имени, забытому впотьмах,
Затертому, как надписи на стенах,
Ужель теперь не сыщется подмены
У памяти в набитых закромах?

Перебирая четки-имена,
Я жду от них какого-то сигнала:
Чтобы одно запело, задрожало,
А прочие - все тьма да тишина.

Но время (или имя?) истекло,
Когда ты вслед за ним уходишь в минус
Меня не так тревожит Past Continuous,
Как прошлое, которое прошло.

* * *

Что от тебя осталось? Только ты,
Очищенный от примесей и взвесей,
Такой невероятной чистоты,-
Хорош собой, прохладен и невесел.
О, как дается эта белизна!
Алмаз, прошедший ужасы огранки,
И в доме обнаженная стена
С квадратным следом снятой фоторамки -
Вот ты теперь. И кажется, к тебе
Прислушавшись, почувешь только ветер,
Уныло завывающий в трубе
И сразу исчезающий в просвете.

* * *

А свет от солнца нынче ледяной...
Грустят цветы, поставленные в воду.
Я так переживаю непогоду,
Как, вероятно, кто-нибудь иной

Переживает горе от потерь.
Сентябрь, безграничный и исконный,
Приклеил желтый лист к стеклу балкона
И запер навсегда входную дверь.

Порой ко мне стучат. Но я молчу,
Не в силах приподняться на постели
И так проходят многие недели.
Я радуюсь случайному лучу,

Хоть свет от солнца нынче ледяной.
Но если ты вернешься за вещами,
И дверь откроешь сам я обещаю,
Тебе не будет холодно со мной.

Заговор

Из далеких болот,
От железных ворот,
От закрытых дверей,
От холодных морей,

Из шумящих лесов,
От рассветных часов,
Из воды и огня
Ты верни мне -
меня.

У себя отобрав,
Осознай, что не прав.
Виноватый вдвойне,
Ты верни меня -
мне.

Из чужих городов,
Из степей и садов,
Не дыша, не ропща,
Научись возвращать.

Кто ж тебе виноват,
Что пришлось отдавать?
Но с тобою здесь я -
Что сама на своя.

* * *

Мне сегодня пришли в конверте
Не слова, не стихи, не песни -
Темно-синие птичьи перья,
Светло-серый прохладный пепел.

Чем смогу я тебе ответить?
Я не самый хороший вестник.
Надо мною шумят деревья.
Небосвод безмятежно светел.

Лишь двуххвостые птичьи тени
Над моей закружились крышей,
Для теней не бывает входа,
У теней не бывает дома.

Мир иллюзий и сновидений,
Тот, в котором тебя я слышу,
Тот, который тебя не отдал, -
Продолжаю считать искомым.

Пустоту принесли в конверте:
Разлетелись по ветру перья,
Утекает сквозь пальцы пепел -
Как и ты, навсегда упущен.

Не бывает с друзьями смерти.
Я отчаянно в это верю.
Я смотрю на тебя и слепо
Продолжаю считать живущим.

* * *

А без тебя здесь было хорошо.
Цвели цветы и громко пели птицы.
Круговорот воды в природе шел
И даже не пытался оступиться.

И поезда не падали в обрыв.
И воду отключали ненадолго.
И я, перебирая горы рифм,
Писала что-то среднее - и только.

Мир без тебя не стерся в порошок.
Не стал ни безнадежным, ни гнетущим,
И без тебя здесь было хорошо,
Хотя с тобой, конечно, было лучше,

Но не тебе. Я верю всей душой,
Что все мы станем как цветы и птицы,
Что без меня здесь будет хорошо
И ничего, конечно, не случится.

* * *

Когда тебе плохо - читай стихи,
По книге и наизусть,
От лучших на свете до самых плохих,
И грустные даже - пусть!
Про море и горе, любовь и кровь -
Под нос себе бормоча,
Как тот, кто отчаянно нездоров -
Молитву в последний час.
И даже когда подступает тьма,
Трещит под ногами лед,
Читай! И тогда даже смерть сама,
Дослушав строфу, уйдет.
Пусть будут другие к тебе глухи,
Покуда идут бои...
Какие угодно читай стихи -

(Прошу, не читай мои).

Содержание

ГОЛУБИ

«Тает снег на ресницах и теплых губах».....	9
«Железная дорога. Полночь. Лес».....	10
Ни кола ни двора.....	11
Paloma blanca.....	12
Голуби.....	14
«Костры по ночам вдалеке не горят».....	15
«Спорим, ты будешь счастлив?».....	16
«Что с того, что разнятся тростник и сосна».....	17
Офелия.....	18
«И когда я бегу к тебе, голову очертя».....	19
Морской бой.....	20
«Расскажи, адмирал, как уходят твои корабли».....	22
Потому что я верю.....	23
Лет через десять.....	25
Game over.....	27
Вином и медом.....	28
«Все банки в доме заняты вареньем».....	29
«Во мне идет брожение стиха».....	31

КНИГА МОСТА

«Квартира что клетка. Пускай золотая».....	37
«Почему-то всегда выпадает снег».....	39
«...но однажды все тайное станет тоскливой песней».....	40
«Когда выбираешь, кому завещать корабли».....	41
Книга моста.....	42
«Выставив зонтик, как шпагу, вперед себя».....	44

«Не будите спящих они как дети».....	45
«На его языке все звучит иначе».....	46
«Бегущему сразу на три стороны».....	47

БАЛАГАН

«Они протоптали дорожку почти случайно».....	52
«И дождь не слезы, а пот со лба, и капли его легки».....	53
Лебединое озеро (партия третьего голоса).....	54
«Если вдруг никто не любит, если мир тебя оставил».....	56
«Если попал в театр притворись живым».....	58
«По прогнозу погоды в театре сезон дождей».....	59
Балаган.....	60
«Не смотри мне в глаза. Не следи за движением пальцев».....	61
«Не ступай на берег. К твоей досаде».....	62
«От дороги и прямо, где светлые облака».....	63
«Не верьте ни улыбкам, ни словам».....	65
«Помня по имени каждого поголовно».....	66
«Выходи на поклон. Сделай шаг из густой темноты».....	67

ИСКАЖЕНИЕ

«Очнувшись меж воюющих сторон».....	72
«Как будто в игре настольной».....	73
Колыбельная пустому месту.....	75
«Дождь искажает звуки, а ночь цвета».....	76
«Все признаки конца: и дым клубами».....	77
«Позаботься о том, чтобы правды не видел свет».....	78
«Если кто-то скажет опять «Гори!»».....	79
«Английская грамматика мудра».....	80
«Твой телефонный номер».....	81
«А свет от солнца нынче ледяной».....	83

*Софья Рубакова
(Владимирова)*

КНИГА МОСТА

Макет: В. А. Вершинин.

Издательская подготовка
Учебно-экспериментальное
издательство ФЖ ТГУ.

Подписано к печати 30. 10. 2015 г.
Печать цифровая. Тираж 250 экз.

Учебно-производственная
типография ТГУ.
634050, г. Томск, пр. Ленина, 66

Томск, 2015

